

А. И. ЗАЙЦЕВ

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Е. А. КРАСНОПЕВЦЕВА О ФОНИКЕ И СЕМАНТИКЕ ЭПИЧЕСКОГО ГЕКСАМЕТРА

Статья Е. А. Краснопевцева опирается на интересные статистические подсчеты, касающиеся распределения различных фонем, словесных ударений и слов разной семантики внутри гексаметрических стихов гомеровского и послегомеровского эпоса. Наиболее значимыми кажутся лексико-семантические различия между первым и вторым полустишием (см. Приложение I на с. 291—293). Однако предложенные автором объяснения этого и других явлений подобного рода кажутся нам неубедительными.

Е. А. Краснопевцев рассматривает две половины эпического гексаметра как семантически самостоятельные части, которые представляют противоположные типы ментальной активности и тем самым фиксируют более поздний и более ранний периоды культурного развития. Но, прежде всего, сам характер распределения понятий по триподиям плохо увязывается с этой схемой. Так, во втором полустишии концентрируются многочисленные имена богов греческой политеистической системы. Большинство их имеет сравнительно позднее происхождение: как можно считать, что они соответствуют более раннему типу культурного развития, чем числительные и личные местоимения — все унаследованные из праиндоевропейского? Далее, есть ли у нас основания полагать, что в сознании грека левая сторона связывалась с чем-то более древним, чем правая? Более того, подобранный исследователем материал нуждается в уточнении. Противопоставление «правый — левый» иллюстрируется в статье антонимической парой δεξιτερός — ἀριστερά (с. 291). Слово δεξιτερός 'правый' тяготеет к первому полустишию, а слово ἀριστερά 'левая; левая рука' — ко второму, и отсюда делаются далеко идущие выводы. С одной стороны, это наблюдение можно было бы даже усилить, прибавив к δεξιτερός его синоним δεξιός, который, по моим неполным данным, также тяготеет к первому полустишию*. Но

---

* В действительности это не так. Из 35 употреблений в тексте «Илиады» и «Одиссеи» прилагательного δεξιός 'правый' и субстантива δεξιά 'правая рука' только 16 случаев приходится на долю первого полустишия и 19 — на долю второго. — Ред.

с другой стороны, картина представится в ином свете, если мы помимо ἀριστερά привлечем его синоним σκαιά. Это слово, противореча гипотезе Е. А. Краснопевцева, тоже тяготеет к первому полустишию (ср. II. I 501, XVI 734 — оба раза на первой стопе)*, и это очень важно и существенно с точки зрения исследования, которое нацелено на вскрытие древнейших механизмов поэтического творчества. Дело в том, что синоним ἀριστερός (собственно 'лучший') довольно поздно получил значение 'левый', и получил его как эвфемизм, ибо древние обозначения левой стороны — σκαίος (ср. лат. *scaevus* 'левый') и λαίος (в раннем эпосе не встречается; ср. рус. *левый*, лат. *laevus* 'левый' и др.) — вызывали у греков страх.

Следовало бы таким же образом проверить и остальной материал. Да, νέον 'недавно' убедительно противостоит по размещению гнезду παλαιός 'древний' как «новое» — «старому». Но как обстоит дело с прилагательным νέος 'новый; молодой', особенно если учесть, что такие случаи, как νεωτάτη (ἀοιδή) 'самая новая (песня)' в Od. I 352, согласно методике Е. А. Краснопевцева, принадлежат ко второй триподии? **

Несмотря на все эти оговорки реальность качественных различий в лексическом наполнении двух полустиший представляется мне бесспорной. И всё же, как ее объяснить? Е. А. Краснопевцев постулирует такой механизм поэтического творчества, при котором начало стиха порождается более поздними моментами сознания и культуры, а второе полустишие — более архаическими. Но ведь это ситуация совершенно беспрецедентная, нигде не засвидетельствованная и с трудом воображаемая. Конечно, можно представить себе поэта, который делает такие вещи сознательно — какого-нибудь постмодерниста, нашего современника, или даже грека Ликофрона — автора поэмы-загадки «Александра», или, скажем, автора фигурных стихотворений эллинистической эпохи. Но не получатся ли при этом скверные стихи, совсем не похожие на поэмы Гомера?

* Кроме того, субстантив σκαιά 'левая рука' использован в первой триподии стиха II. XXI 490 (на I стопе); в то же время во второй триподии стиха Od. III 295 встречается прилагательное σκαίον (ρίον) 'левый (выступ горы)'. — Ред.

** Ср.: ἢ τις ἀκούοντεςσι νεωτάτη ἀμφιπέληται (Od. I 352). По нашим данным, в гомеровском эпосе 54 формы прилагательного νέος (сравн. степ. νεώτερος, превосх. степ. νεώτατος) и субстантива νέοι ('юноши') попадают на первую триподию, и лишь 35 — на вторую (при подсчетах слово считалось относящимся к той триподии, в которой находится его ударный слог). — Ред.

Против гипотезы Е. А. Краснопевцева есть возражения, и не опирающиеся на эстетическую оценку. Ясно, что сознательное распределение тематики по полустишиям возможно только при наличии орудия письма, тогда как при устном творчестве это потребовало бы от аэда сверхъестественных способностей. Автор статьи не говорит, как он представляет себе процесс порождения эпического текста. Я лично думаю, что создатель «Илиады» и «Одиссеи» практиковал письменное творчество, но сейчас уже никто не сомневается, что стиль гомеровских поэм сложился в ходе творчества устного, в значительной мере импровизационного. Поскольку выявляемые в статье закономерности явно древнее Гомера, они должны объясняться, исходя из приемов, которыми пользовались творцы устного народного эпоса.

Это объяснение давно известно. Заключается оно в том, что и в гомеровском эпосе, и в фольклорном эпосе других народов в конце длинного стиха концентрируются так называемые «эпические формулы» — готовые клише, давно усвоенные сказителем и используемые им систематически [совсем по другому поводу о них вспоминает в своей статье Е. А. Краснопевцев (с. 286)]. Система гомеровских формул была подробно изучена Мильманом Перри (Perry), который показал, что она доминирует как раз во втором полустишии. Это же явление мы наблюдаем и в русском былинном эпосе, для которого характерен длинный стих: и *дружинишка хоробрая*, и *Владимир красно солнышко* принадлежат концу стиха.

Тут и кроется причина удивительных противостояний, отмеченных в работе Е. А. Краснопевцева. Эпические формулы и «неформальная» часть текста создаются лексикой различной природы, и в ряде случаев анализируемый в статье материал объясняется мгновенно: числительные, частицы и личные местоимения заполняют первое полустишие, так как они не входят в эпические клише. Имена богов тяготеют ко второму полустишию, но, конечно, не из-за какого-то их архаизма, а потому, что чаще всего включаются в формулу, состоящую из имени божества и одного из его стойких эпитетов. Эти формулы, как уже было сказано, характерны для завершающей части гексаметра.

Кстати, такими формулами обрастают имена не только богов, но и людей — главных героев поэм. Эти формулы тоже чаще всего завершают строку гексаметра, как, например, знаменитое <...> Πηληϊάδεω Ἀχιλῆος (= <...> *Ахиллеса, Пелеева сына*) в первом стихе «Илиады». В статье Е. А. Краснопевцева данные по именам героев в конце стиха не включены в таблицу — по-видимому, потому что они не укла-

дываются в предполагаемую схему. Очевидно, однако, что и другие особенности распределения лексики в стихе надо объяснять, исходя из поведения формул, столь важных для древнегреческого эпоса.

Сложнее сказать что-то определенное о постулируемой в статье связи I и IV стопы гексаметра с «верхним» миром, II-й и V-й — со «средним», то есть с земным и человеческим, а III-й и VI-й — с «нижним», с преисподней. Здесь впечатление, что Е. А. Краснопевцев приписывает аэду невероятные способности, становится еще более сильным, чем тогда, когда речь шла о противостоянии полустиший: нам предлагается допустить, что сказитель менял мысленную ориентацию шесть раз в ходе создания одного стиха. И в самом деле, автор статьи от себя повторяет слова Гомера о том, что певец *и минувшее знал, и грядущее видел*: очевидно, наш современник разделяет воззрение древних на певца как на личность чудесно одаренную.

Наука с трудом допускает такие объяснения. Посмотрим, однако, в какой мере приведенные в статье факты подтверждают эту фантастическую «скачку мыслей» в сознании сказителя. Е. А. Краснопевцев рассматривает распределение слов различной семантики уже не между полустишиями, а между стопами гексаметра (принадлежность к стопе определяется местом ударения, что в порядке гипотезы может быть принято, исходя из наличия у древнегреческого ударения кульминативной функции). Некоторые цифры, на первый взгляд, впечатляют: в частности, местоимение ἐγώ 'я', всецело относящееся к земной сфере*, решительно тяготеет ко второй стопе (см. с. 294). Но нет ли для этого факта простого, естественного объяснения? Разумеется, есть! Ни одна из падежных форм ἐγώ не может стоять на первом месте в стихе, так как они либо начинаются с краткого слога, либо энклитичны (ни то, ни другое в первом слоге гексаметра невозможно). Если форма местоимения ἐγώ начинается в третьем слоге первого дактиля и не является энклитикой (как μου, μοι или με), то она, по методике Е. А. Краснопевцева, как правило, попадает во вторую стопу. Остается случай, когда форма этого местоимения начинается в первом кратком дактиля или заполняет второй долгий спондея первой стопы. Но для этого нужно, чтобы гексаметр начинался с односложного слова или чтобы перед ἐγώ, ἐμοῦ и т. п. имела место элизия, как в «Илиаде» I 29: τὴν δ' ἐγὼ οὐ λύσω <...> Моносиллабы в начале стиха используются с осторожностью, а употребление формы от ἐγώ в слабой

* Сомнительно: ведь гомеровские боги тоже говорят о себе я. — Ред.

части дактиля требует, чтобы вторая стопа начиналась с гласного, позволяющего сократить либо элидировать долгие гласные -ου, -οι, -ω, на которые оканчивается подавляющая часть форм местоимения ἐγώ. Вот почему формы от ἐγώ в первой стопе неудобны и встречаются редко.

В распределении существительного γαῖα по стопам первого полустишия отчетливой тенденции не наблюдается, но во втором полустишии это слово тяготеет к последней стопе (см. с. 296), и это, казалось бы, подтверждает построения Е. А. Краснопевцева. Однако у слова γαῖα есть фонетический вариант γῆ, встречающийся у Гомера четыре раза, и всегда в I стопе, что ощутимо меняет картину*.

Очень интересно тяготение имени небесного бога Ζεύς к I и IV стопам, но прежде чем пытаться сделать из этого наблюдения выводы, следовало бы разобраться с именем бога подземного мира Ἅϊδης: по моим выборочным данным, местоположение этого имени в стихе неопределенно. Более того, Аид фактически упоминается в II. IX 457, но там он именуется описательно Ζεύς <...> καταχθόνιος 'подземный Зевс' и при этом оказывается в I и II стопах, где, по предположению исследователя, место небесному богу Зевсу, а отнюдь не подземному Аиду.

В адрес гипотезы Е. А. Краснопевцева напрашивается еще немало замечаний такого рода. Однако его построения оказываются уязвимыми и с другой стороны. На с. 285 говорится: «Поскольку максимум гласных переднего ряда (η, ι) приходится на самое начало обоих полустиший, можно допустить, что IV стопа, как и I, принадлежит „верхнему“ миру». Связь передних гласных с «верхним» миром исследователь постулирует для весьма древней эпохи (вплоть до праиндоевропейской). Между тем в большинстве своем звуки η гомеровского текста стали передними гласными (в результате общеизвестного ионийского перехода $\bar{a} > \epsilon$) совсем незадолго до создания «Илиады» и «Одиссеи» или даже после того, как эти поэмы окончательно оформились. А это значит, что фонологические подсчеты автора статьи отражают не ту эпоху, закономерности поэтического творчества которой он пытается обнаружить.

* По нашим сведениям, в «Илиаде» и «Одиссее» формы γῆ, γῆς, γῆν встречаются 5 раз на I стопе (Il. XV 24, XXI 63; Od. XI 167, 482, XIII 233), один раз — на II-й (Od. XVII 237) и три раза — на III-й (Od. XI 302, XII 27, XXIII 233). — Ред.

По мнению Е. А. Краснопецева, ряды смычных согласных у Гомера символичны: дентальные связаны с «верхним» миром, лабиальные — со «средним», а велярные — с «нижним», причем корни этого звуко-символизма возводятся к глубочайшей древности. Но в микенскую эпоху, когда складывались фольклорные гексаметрические песни героического содержания (которые и стали в конце концов источником гомеровских поэм), имели место не три, а четыре ряда смычных: губные, переднеязычные, заднеязычные и лабиовелярные. Можно ли связывать эти четыре ряда с тремя мирами? А ведь многие губные смычные гомеровского текста восходят к лабиовелярным. Правомерно ли в таком случае ассоциировать их со «средним» — земным миром?*

Наконец, совершенно невероятной представляется мне идея, в соответствии с которой представление о триадической структуре мира пронизывало сознание праиндоевропейцев или древнейших греков до такой степени, что смогло преодолеть принцип произвольности языкового знака и породить внутреннюю связь между положением языка в полости рта и принадлежностью слова к одному из постулируемых миров. У нас нет абсолютно никаких данных касательно того, что праиндоевропейцы воспринимали мир как трехуровневый (хотя сейчас модно утверждать противоположное). Три уровня характерны, например, для картины мира сибирских шаманов, но приписывать ее индоевропейцам нельзя, ибо, в сущности, единственный довод в пользу этого — сходство Иггдрасиля Эдды с мировым деревом шаманов — явным образом

* Для обозначения лабиовелярных звуков крито-микенский силлабарий (так называемое линейное письмо В) содержал слоговые знаки: ϕ qa («ра₂», № 16), ⊕ qe (№ 78), ϕ qi (№ 21), ϕ qo (№ 32); q = q^w (ϕ, ϕ), q^wh, g^w (см.: J. Chadwick, *The Decipherment of Linear B*, 2nd edition, Cambridge 1967; русский перевод с предисловием и комментариями Н. С. Гринбаума: *Тайны древних письмен: Проблемы дешифровки: Сборник статей*, Перевод с английского, немецкого, французского и итальянского языков, Москва 1976, 101—254). В большинстве греческих диалектов, включая древнеионийский идиом Гомера, лабиовелярные (которые Е. А. Краснопецев рассматривает как «разновидность» простых велярных) растворились во всех трех оставшихся локальных рядах согласных, но в неравной пропорции [q^w, q^wh, g^w перешли в 1) κ, χ, γ в позиции перед и после υ, 2) τ, θ, δ перед гласными переднего ряда и 3) π, φ, β в прочих позициях]. В десятку самых частотных слов с начальным τ- на I стопе (см. с. 314) входят τίς/τίς, τί/τι 'кто, что', τε/τ 'и', содержащие *ϕ на месте ионийско-аттического τ (сюда же относится, видимо, αὔτε 'опять'). С τ < *ϕ начинаются и слова τελεῖα < *ϕελεῖα и τέλος < *ϕέλος, включенные Е. А. Краснопецевым в «палеосемантические» триады (см. с. 283). — Ред.

недостаточен. Мы ничего не знаем о том, как представляли себе преисподнюю праиндоевропейцы, но у древних греков подземное царство не было самостоятельным этажом мира, равноправным с землей и небом: скорее можно говорить о двухплановом восприятии окружающего по принципу «земля — небо», «люди — боги».

Я должен повторить, что статистика Е. А. Краснопевцева в высшей степени интересна. Она открывает новые перспективы, и было бы целесообразно распространить ее на весь словарный запас гомеровских поэм, но выводы следует искать в других направлениях. Сейчас многие исследователи, обращаясь к древнему прошлому человечества, рисуют яркие картины развитой религиозной жизни, пышной мифологии, даже каких-то таинственных наук, и всё это без прочного обоснования. По-видимому, это своеобразная проекция на прошлое понятного и естественного разочарования формами нынешнего существования человечества. Однако эти психологические механизмы не помогут нам выяснить, как же всё обстояло на самом деле.